

Дара Вейн

Камень и пламя

Дара Вейн

Камень и пламя

«Автор»

2026

Вейн Д.

Камень и пламя / Д. Вейн — «Автор», 2026

Искусствоведка Аделина и архитектор-реставратор Марк отправляются в путь через великие готические соборы Европы — от Амьена до Ульма, от Сент-Шапель до Севильи. В каждом соборе — свои легенды: дьявольский сон герцога Висконти, Христос с растущими ногтями в Бургосе, обрушение свода в Бове, кожа грешника в Вестминстере. За каждым камнем — история, за каждой легендой — правда, которую кто-то хотел скрыть. И пока герои разгадывают тайны средневековых зодчих, между ними разгорается страсть, которую ни один из них больше не способен отрицать.

© Вейн Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Амьен — «Прекрасный Бог» и голова Крестителя	6
Глава 2. Бове — обрушение и упрямство	8
Глава 3. Сент-Шапель — шестьсот метров света	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дара Вейн Камень и пламя

**ДАРА ВЕЙН
КАМЕНЬ И ПЛАМЯ**

Готические соборы Европы:

архитектура, легенды, страсть

Глава 1. Амьен — «Прекрасный Бог» и голова Крестителя

Поезд из Парижа пришёл в Амьен под серым небом, которое словно решило донести до путников характер этого северного города — строгий, сдержанный, без лишней мишуры. Аделина вышла на платформу первой и обернулась: Марк спускал чемодан по ступеням, и ветер трепал его тёмные волосы, и она подумала, что он похож на одного из тех каменных пророков с фасада собора, куда они направлялись.

Амьенский собор Нотр-Дам — самый крупный готический собор Франции. Его объём — двести тысяч кубических метров, в нём поместились бы два собора Парижской Богоматери. Строительство начал в 1220 году архитектор Робер де Люзарш, и совершил он революцию: стал использовать каменные блоки стандартизированных размеров, вместо того чтобы каждый элемент изготавливать индивидуально. Это позволило возвести основное тело собора всего за пятьдесят лет. Главной реликвией, ради которой затевалась стройка, была голова святого Иоанна Крестителя, привезённая из разграбленного Константинополя в 1206 году каноником Валлоном де Сартоном. Считается, что на реликвии видно отверстие над левой бровью — след удара, упоминаемый святым Иеронимом.

— Представь себе, — сказала Аделина, остановившись перед западным фасадом, — четыре тысячи скульптур. Четыре тысячи. Это больше, чем во всех остальных соборах Франции, вместе взятых.

Марк поднял голову. Фасад уходил в небо тремя порталами, галереей королей и огромной розой, сжатой двумя башнями. В простенке центрального портала стояла статуя, которую амьенцы называли «Прекрасный Бог» — Христос с тонким, одухотворённым лицом, учивший добру.

— Легенда гласит, — продолжила Аделина, — что скульптор вырезал эту статую с натуры. Моделью ему послужил один из строителей собора — добродетельный, трудолюбивый юноша. Когда пришло время получать жалованье, он не явился. И вообще — исчез. Все решили, что это был сам Христос.

— Красивая легенда, — сказал Марк. — Но ты знаешь, что меня поражает больше? Лабиринт.

Они вошли внутрь. Свод центрального нефа поднимался на сорок два метра — почти на пределе возможного для каменной конструкции. Свет падал сверху, окрашенный остатками витражей, и в этом свете Аделина увидела на полу чёрно-белый лабиринт — круг, выведенный каменными плитами.

— Лабиринт заложен в 1288 году, — сказал Марк, и в его голосе появился тот особенный тон, который Аделина уже научилась узнавать: уважение к мастерству, к людям, которые жили восемьсот лет назад. — В его центре — названия архитекторов. Робер де Люзарш. Тома де Кормон. Рено де Кормон. Отец и сын. Единственный собор, где строители увековечили себя таким образом.

Аделина присела на корточки, провела пальцами по каменным бороздам лабиринта.

— Марк. Это же не просто украшение. Паломники проходили лабиринт на коленях, от входа до центра, и обратно. Это было путешествие, заменявшее паломничество в Иерусалим.

— Я знаю, — он присел рядом. — И я знаю, что ты сейчас думаешь о метафоре. Лабиринт как путь к центру себя.

— Ты меня знаешь слишком хорошо.

— Я знаю тебя ровно настолько, чтобы не сказать лишнего.

Она посмотрела на него. В сером свете амьенского собора его глаза казались почти чёрными. И в них было то, что она видела в Шартре, в Париже, в Реймсе и Кёльне — и что каждый раз заставляло её сердце делать лишний удар.

Он наклонился к ней. Медленно. Она не отстранилась.

В лабиринте, на каменном полу, по которому восемь веков прошли тысячи колен, он поцеловал её. И в этом поцелуе не было ни робости, ни неуверенности. Была только тихая, тёплая решимость — как у человека, который наконец прошёл свой лабиринт и нашёл центр.

Глава 2. Бове — обрушение и упрямство

До Бове было шестьдесят километров. Марк вёл машину, Аделина сидела рядом, прижимая к груди каталог амьенских скульптур, и думала о том, как тонка граница между дерзостью и катастрофой.

Собор Сен-Пьер де Бове встретил их неловкой тишиной. Не было фасада. Не было нефа. Только хор и трансепт — огромные, величественные и словно оторванные от собственного тела. Собор, который так и не достроили.

— Высота сводов — сорок восемь с половиной метров, — сказал Марк, задрав голову. — Самый высокий готический свод в мире. Выше, чем в Амьене. Выше, чем в Кёльне. Выше, чем в Милане.

— И он обрушился, — закончила Аделина.

В 1284 году, всего через двенадцать лет после завершения хора, часть сводов рухнула вместе с несколькими аркбутанами. Историки считают, что причиной стали резонансные колебания от сильного ветра. Контрфорсы были сделаны слишком тонкими — чтобы впустить больше света. Готика всегда боролась со светом: впустить его как можно больше, не пожертвовав при этом камнем. В Бове камень проиграл.

— Это была катастрофа, — продолжил Марк, когда они шли по деамбулаторию. — Не просто для Бове — для всей французской готики. Стивен Мюррей назвал это «нервным срывом». После обрушения французские архитекторы перестали гнаться за высотой. Соборы стали меньше, осторожнее. Бове убил амбицию.

— Но они перестроили хор, — возразила Аделина.

— На той же высоте. С большим числом колонн — четырёхчастные своды превратили в шестичастные. А потом, в 1573 году, рухнула сто пятьдесят три метра центральная башня. Снова остановка. Снова — недостроено.

— И тем не менее — стоит. Восемьсот лет стоит, недостроенный, с временными деревянными подпорками трансепта, с железными тягами между аркбутанами, которые в шестидесятых годах убрали, а потом вернули, потому что без них ветер раскачивал хор, и он начал отходить от трансепта.

Марк остановился у одной из колонн. Положил ладонь на камень.

— Знаешь, что сказал Виолле-ле-Дюк? Он назвал хор Бове «Парфеноном французской готики».

— Самый красивый — и самый хрупкий.

— Как и всё, что действительно стоит любви.

Аделина замерла. Он сказал это, глядя на колонну, но она знала — это не про колонну.

— Марк...

— Я знаю, — он повернулся. — Я знаю, что ты скажешь: не время, не место, мы работаем, это профессионально неуместно. Ты говоришь это в каждом соборе, Аделина. И в каждом соборе ты целуешь меня в ответ.

— Потому что в каждом соборе ты говоришь что-то, от чего я забываю, почему это неуместно.

Он подошёл ближе. Свет из витража — единственного сохранившегося в хоре, работы Энгрена Ле Пренса, мастера-витрария из Бове — падал на её лицо и раскрашивал его красным и синим.

— Тогда не забывай, — сказал он и поцеловал её. И на этот раз — впервые — в его поцелуе была не только нежность и не только решительность. Была хрупкость. Тонкость контрфорса, который вот-вот рухнет от ветра. И она поняла: он боится. Этот человек, который реста-

врирует соборы и умеет укреплять треснувший камень, — боится её. Точнее, боится её потерять.

Витраж бросал красные и синие пятна на пол. Где-то наверху, под самым сводом, ветер — тот самый, что когда-то обрушил хор — гудел в камнях. Но камень держался. Уже восемьсот лет держался.

Глава 3. Сент-Шапель — шестьсот метров света

Они вернулись в Париж на один день — Марку нужно было встретиться с коллегой из Сорбонны. Но Аделина не могла упустить шанс и провела весь день в Сент-Шапель.

Святая Капелла, выстроенная Людовиком Святым в 1242–1248 годах, стояла на острове Сите, рядом с Консьержери. Маленькая — по сравнению с Амьеном или Бове она казалась шкатулкой. Но шкатулкой, наполненной не яшмой и не золотом, а светом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.